На снимке В.П. Сукачев

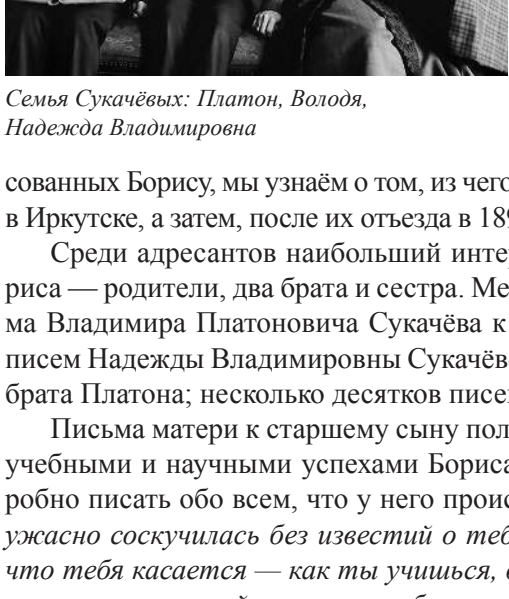
В исторических исследованиях нет застывших истин. Время от времени выявляются новые документы, которые уточняют, дополняют, а порой и меняют наши представления о прошлом. Таким важным событием для изучения истории Иркутска стало обнаружение в г. Тарту (Эстония) прежде неизвестного, никогда не изучавшегося и значительного по объему мемориального архива семьи Сукачёвых. О роли Владимира Платоновича Сукачёва в истории нашего города, о его вкладе в развитие Иркутска сказано немало. Мы знаем его как активного общественного деятеля, благотворителя, мецената, создателя иркутской картинной галереи. Между тем, от нашего взора ускользает образ В.П. Сукачёва — мужа, отца и друга. В распоряжении исследователей до последнего времени практически не было документов личного характера, которые раскрывали бы мотивы поступков В.П. Сукачёва, его отношение к тем или иным событиям, происходившим во второй половине XIX — начале XX века в России в целом, и Иркутске в частности, его дружеские привязанности и антипатии.

Открытие новых документов из мемориального архива семьи Сукачёвых позволяет восполнить эти пробелы и по-новому взглянуть на личность нашего замечательного земляка.

Возникновение архива связано с именем старшего сына Владимира Платоновича Сукачёва — Бориса. Он родился в 1874 году в Киеве, в начале 1880-х годов вместе с родителями приехал в Иркутск. После завершения обучения в иркутской классической гимназии Борис Сукачёв поступил в Санкт-Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета и окончил его в 1896 году. Как подающий надежды молодой учёный, «с целью приготовления к профессорскому званию»[1] Борис Сукачёв был оставлен при университете на кафедре зоологии беспозвоночных. С 1897 по 1905 год он работал лаборантом

[1] *Архив Музея истории университета Тарту. ÜAM1033_004, с. 1 об.*

под руководством известного учёного Владимира Шевякова в Зоотомическом кабинете Санкт-Петербургского университета. В 1906 году Б.В.Сукачёв переехал в г. Юрьев (ныне г. Тарту, Эстония), где стал магистрантом физико-математического факультета Юрьевского университета, одновременно работая лаборантом Зоотомического кабинета под руководством профессора К.К. Сент-Илера. Начиная с 1908 года, он также читал лекции слушателям Юрьевских частных университетских курсов естественных и медицинских наук. С началом Первой мировой войны Б.В. Сукачёв был откомандирован из Тарту в общество Красного Креста, где служил санитаром. После окончания войны он не вернулся в Россию, оставшись в эмиграции. Последние годы жизни Борис Сукачёв провел в Париже, работая в госпитале Сальпетриер (hôpital de la Salpêtrière). Перед отъездом из Тарту в 1914 году он оставил свои документы и, прежде всего, переписку на кафедре в университете, где его архив пролежал, никем не востребованный, до 1987 года. Затем документы Б.В. Сукачёва были переданы в Музей истории университета Тарту. Последовательное изучение документов мемориальной коллекции, расшифровка и введение в научный оборот начались лишь в 2018 году. Хронологически документы архива охватывают 40 лет. Самый ранний источник датирован 1874 годом, а наиболее поздние относятся к 1914 году. Архив включает в себя около тысячи единиц хранения, среди которых фотографии, негативы, одно живописное полотно и значительное число документов на бумажной основе.



Семья Сукачёвых: Платон, Володя, Надежда Владимировна

Большую часть из них составляет переписка Бориса Сукачёва с родителями, другими родственниками, друзьями и коллегами. Именно эпистолярное наследие открывает нам богатство исторических сведений, бытовые подробности, характер семейных и дружеских взаимоотношений. Из писем, адресованных Борису, мы узнаём о том, из чего складывалась жизнь семейства Сукачёвых в Иркутске, а затем, после их отъезда в 1898 году из родного города, в Петербурге.

Среди адресантов наибольший интерес вызывают близкие родственники Бориса — родители, два брата и сестра. Мемориальная коллекция содержит 73 письма Владимира Платоновича Сукачёва к Борису за период с 1889 по 1910 г.; 137 писем Надежды Владимировны Сукачёвой, датированные 1889–1907 гг.; 68 писем брата Платона; несколько десятков писем от брата Владимира и сестры Анны.

Письма матери к старшему сыну полны нежности и заботы. Она интересуется учебными и научными успехами Бориса, волнуется за его здоровье, просит подробно писать обо всем, что у него происходит в жизни: *«Дорогой мой мальчик, я ужасно соскучилась без известий о тебе, так бы хотелось знать подробно то, что тебя касается — как ты учишься, вызывают ли тебя из чего, и что получаешь за отвеченный урок, как тебе нравится твой новый образ жизни, не нужно ли тебе чего-нибудь и еще целая куча вопросов насобирается все в том же роде. Смотри, голубчик мой, пиши маме как можно подробнее все — решительно все»*[2]; *«Знаешь, Боря, мне ужасно хотелось бы вести с тобой переписку такого рода,*

[2]*Письмо Н.В. Сукачёвой Б.В. Сукачёву от 22.09.1889. — Архив Музея истории университета Тарту. Без шифра.*

чтобы не только сообщать о своем житье-бытье друг другу, но и делиться мыслями и получать ответы, а иногда и самой отвечать, право, я так привыкла к этому, когда ты был дома, что теперь никак не могу войти в колею»[3].

Мы видим, что мать и сына связывают очень близкие, доверительные отношения. Надежда Владимировна в письмах к Борису подробно рассказывает о семейных событиях, об успехах младших братьев и сестры, о своих увлечениях. Из её сообщений мы узнаём, что уже в 1893 году (задолго до открытия в 1900 г. рисовальной школы Н.И. Верхотурова и М.А. Рутченко-Короткоручко) в Иркутске сформировался небольшой кружок взрослых людей, желающих учиться рисованию. Занятия для них проводил преподаватель нескольких иркутских учебных заведений Алексей Харлампиевич Клименко, выпускник Киевской рисовальной школы Н.И. Мурашко и императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге. Ученицы Клименко (а ими были исключительно дамы) изучали основы перспективы и акварельной живописи, ботанического рисунка, роспись фарфора и т. д. В январе 1894 г. Надежда Владимировна Сукачёва писала Борису: *«Я начала понемногу рисовать; очень хочется мне послать в Петербург мои цветы; некоторые я показывала Клименко…, и он одобрил их… хотелось бы их мне выставить… конечно, если это возможно только вообще не художникам, поскромнее, хотя бы, например, на одной из выставок Общ[ества] поощрения художников, что на Морской»*[4]. Вскоре Н.В. Сукачёва вступила в Первый дамский художественный кружок, основанный в 1882 г. в Санкт-Петербурге по инициативе художницы Пелагеи Петровны Куриар. Целью общества было «способствовать развитию искусства в различных его проявлениях, а также оказывать вспомоществование нуждающимся художникам и их семействам».

Надежда Владимировна была разносторонне образованным человеком — много читала, интересовалась искусством, во всех своих заграничных поездках обязательно посещала музеи и художественные галереи, любила музыку и отлично играла на фортепиано, изучала иностранные языки и была в курсе последних научных открытий. При этом она прилагала усилия, чтобы её дети также неустанно развивались, приобретали новые знания, расширяли свои возможности и развивали таланты: *«я очень рада что ты вздумал поучиться играть, слух у тебя чудесный и пение очень приятное. Вам не мешало бы еще позаниматься языками; в Петербурге это ведь так удобно. Я сужу по себе — знание иностранных языков доставляло и доставляет мне теперь огромное удовольствие — невозможно сравнить наилучший перевод с подлинником, а затем серьезное изучение языка, при этом, конечно, и всей народности, положительно открывает новые горизонты»*[5].

О том, что Надежда Владимировна Сукачёва любила музыку и сама музицировала, нам было известно давно. Но какая музыка нравилась ей? Кто из композиторов был ей близок? Ответ был получен из её письма к Борису от 22 июня 1904 года: *«Как я рада была получить от тебя письмо, в котором ты передаешь полученные тобою впечатления от Лоэнгрина. Я нахожу, что никакая музыка не будит так душу, не возбуждает так духовную природу человека, как музыка Вагнера — что же бы ты сказал о Парсифале? Ведь правда, что Вагнер открывает завесу в другой мир, раздвигает горизонт и доставляет таким образом*

---

[3]*Письмо Н. В. Сукачёвой Б.В. Сукачёву от 07.11.1892. — Архив Музея истории университета Тарту. Без шифра.*

[4]*Письмо Н.В. Сукачёвой Б.В. Сукачёву от 08.01.1894. — Архив Музея истории университета Тарту. Без шифра.*

[5]*Письмо Н.В. Сукачёвой Б.В. Сукачёву от 26.02.1893. — Архив Музея истории университета Тарту. Без шифра.*

нечто совсем особенное?»[6] Так выяснилось, что одним из самых любимых композиторов Надежды Владимировны был Рихард Вагнер. Не удивительно, что почти каждый год летом она старалась побывать на знаменитом вагнеровском фестивале в баварском городе Байрёйте. Этот фестиваль, основанный самим Вагнером, впервые состоялся в 1876 году и по сей день является одним из самых престижных музыкальных событий Европы.

Письма Владимира Платоновича Сукачёва к Борису очень подробные, часто на десяти и более листах. Он в деталях описывает то, что происходит в жизни его семьи и в Иркутске в целом — это различные городские события, судьбы общих знакомых, выборы в Думу, семейные дела. Каждое своё письмо к Борису Владимир Платонович оканчивает словами — *«Твой отец и друг неизменный, Владимир Сукачев»*. Видно, что отца и старшего сына действительно связывают дружба и общие интересы.

Чтобы старший сын не чувствовал себя оторванным от семьи, Владимир Платонович подробно рассказывает, как проходят в семье праздники и иные значимые события: *«Тебе, дорогой мой Борис, наверное, очень хочется узнать, как мы провели этот день. Утром все мы были в семинарской церкви, где пели рядом семинаристы и ученицы маминой школы... После обедни Аня причащалась, а затем все мы… зашли к ректору пить чай. Оставив всю компанию у ректора, я отправился визитировать (вот и сегодня я сделал 80 визитов) и только к 5 час[ам] вернулся домой… В саду уже довольно сухо, и наши гости играли в крокет. После обеда устроили игры, которые продолжались до 10 час[ов] с перерывом для чая»*[7]. Так описывает В.П. Сукачёв день рождения своего среднего сына, Платона, когда ему исполнилось 17 лет.

Именно письма Владимира Платоновича Сукачёва являются бесценным источником по истории Иркутска, так как в них содержится подробная характеристика наиболее важных городских событий, упоминаются новые интересные подробности, высказывается личное отношение В.П. Сукачёва к ним. Красной нитью в его текстах проходит чувство любви к Иркутску, желание сделать всё возможное, чтобы жизнь соотечественников стала лучше, насыщеннее, богаче. Ему до всего было дело — оказавшись в длительном отпуске в Петербурге в 1889–1890 гг., он интересовался организацией городского хозяйства, устройством скотобоен, обучением детей ремёслам. *«Я не пропускаю ни одного думского заседания* (в Санкт-Петербурге — авт.)*, бываю также в некоторых заседаниях управы и внимательно изучаю разные городские учреждения. Авось, может быть, удастся извлечь такие данные, которые найдут применение и в нашем городе… Также я извлёк много полезных сведений по вопросу о постановке профессионального образования и ручного труда в начальной школе. Многое пригодится для Трапезниковского училища, а также для городских школ»*[8], — писал В.П. Сукачёв сыну 16 апреля 1890 г.

Как председатель Восточно-Сибирского отдела Русского Императорского географического общества (ВСОРГО) В.П. Сукачёв был заинтересован в расширении просветительской деятельности отдела, в формировании коллекций музея

---

[6]*Письмо Н.В. Сукачёвой Б.В. Сукачёву от 22.06.1904. — Архив Музея истории университета Тарту. Без шифра.*

[7]*Письмо В.П. Сукачёва Б.В. Сукачёву от 30.03.1893. — Архив Музея истории университета Тарту. Без шифра.*

[8]*Письмо В.П. Сукачёва Б.В. Сукачёву от 16.04.1890. — Архив Музея истории университета Тарту. Без шифра.*

ВСОРГО и организации на его базе разнообразных мероприятий, направленных на популяризацию науки: *«Я рассказывал тебе о заветной моей мечте привести в порядок наш музей и составить хотя какой-нибудь каталог книг и коллекций. И Клеменц, и Потанин, и многие другие, с кем я по этому поводу советовался, находили мою мечту неосуществимою за недостатком в Иркутске толковых и знающих работников. Высказал я эту мечту и в Распорядительном комитете, незадолго до приезда в Питер, причем сказал, что не остановился бы перед необходимыми денежными затратами на ее осуществление… Каково же было мое удивление и восторг, когда по приезде в Иркутск я на первых же порах узнал, что труды по составлению каталога в полном разгаре и даже виден конец их»*[9].

Известно, что Владимир Платонович Сукачёв стоял у истоков иркутского Общества попечения о слепых, в 1893 г. он был избран товарищем председателя Общества. Предварительно Владимир Платонович вёл активную переписку с Константином Гротом, создателем системы попечения над слепыми в России, основателем петербургского Александро-Мариинского училища слепых, консультируясь о наилучшем устройстве школы для обучения слепых детей в Иркутске и о подготовке педагогов для этого учебного заведения. Познакомился он также с организацией обучения незрячих в московском учебно-воспитательном заведении для слепых детей, основанном пастором Дикгофом[10]. Свои впечатления он описал в письме к сыну: *«только одно учреждение [я] нашел заслуживающим внимания — это училище об[щест]ва призрения и воспитания бедных детей… Между прочим, дети исполняли при мне отрывки из «Жизни за Царя», причем одна слепая великолепно спела «Не о том скорблю, подруженьки». Голос поистине замечательный. В том же училище интересная печатная машина для выпуклого шрифта на обе стороны; там же приготовляются рельефные карты из гипса»*[11].

Для ознакомления иркутян с новой для них темой было предложено провести несколько лекций, одну из которых прочитал В.П. Сукачёв, демонстрируя при этом выставку работ слепых, привезённых им из Петербурга.

Из документов Тартуского архива мы узнаём подробности формирования знаменитой коллекции картин Сукачёва, ставшей в будущем основой для формирования собрания Иркутского художественного музея. Встречаются упоминания о приобретении тех или иных полотен, о выставках, на которых были представлены работы из собрания В.П. Сукачёва, о рождении идеи на основе личной коллекции создать городскую картинную галерею. В письме к старшему брату от 16 февраля 1890 г. Платон Сукачёв пишет: *«Мы на Масленице были в манеже, это большой зал, устроенный в виде сада... На днях здесь открылась передвижная выставка картин, на которой папа купил одну картину — «Весна в лесу» Мясоедова, и другую — Боголюбова «Вид Аркашона»; кроме этих двух картин папа купил еще Айвазовского «Буря на море» и еще одну картину Соколова*[12]*, которая представляет путешественников, которых вытаскивают из болота вместе с их тарантасом»*[13].

Не вызывает теперь сомнений, что мысль о передаче коллекции картин в дар

---

[9]Письмо В.П. Сукачёва Б.В. Сукачёву от 17.07.1897. — Архив Музея истории университета Тарту. Без шифра.

10Генрих Генрихович фон Дикгоф (1833–1911) — пастор Евангелическо-лютеранской церкви, организатор обучения и воспитания детей с нарушениями зрения в России.

[11]Письмо В.П. Сукачёва Б.В. Сукачёву от 26.01.1893. — Архив Музея истории университета Тарту. Без шифра.

[12]Работа П.П. Соколова «Увязли» из собрания Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачёва.

[13]Письмо П.В. Сукачёва Б.В. Сукачёву от 16.02.1890. — Архив Музея истории университета Тарту. Без шифра.

Иркутску и создании на её основе городской картинной галереи возникла у Владимира Платоновича Сукачёва уже после отъезда семьи в Петербург в 1898 году. Многочисленные упоминания в семейной переписке о желании Сукачёва пополнить коллекцию недостающими, по его мнению, работами, использование термина иркутское собрание или иркутская галерея, относятся именно к 1899–1902 гг. В мае 1899 г. Надежда Владимировна пишет сыну: *«Вчера мы с папой ездили к Шёне смотреть картины,... а потом поехали к Егорнову посмотреть потрет графа Игнатьева — ведь ты знаешь, что папа заказал Егорнову именно портрет Игнатьева для Иркутского Собрания? Ну, вот завтра последний сеанс и папа хотел посмотреть, как идет дело. Портрет выходит хорошо»*[14].

В это время В.П. Сукачёв в Мюнхене познакомился с художником и копиистом Робертом Хунцикером, который исполнил по его заказу несколько копий с полотен старых мастеров. Эти картины и сегодня можно увидеть в музейных залах «Усадьбы В.П. Сукачёва».

«В Мюнхене мама успела побывать в обоих пинакотеках... Alte Pinacothek ее поразила не меньше, чем меня в первое посещение этой сокровищницы. Под этим впечатлением и я заказал Hunziker'у, теперь пишущему портрет Mme Fourmen с сыном Рубенса, еще десяток копий. Я говорил с ним о командировке в Дрезден… и во Флоренцию, и он радостно на них соглашается. Мне кажется, что в нем я приобрел весьма полезного работника для иркутской галереи. Мало-помалу он, в течение нескольких лет (может быть даже десятков лет), сделает копии всех лучших картин не только мюнхенской, но и дрезденской, а может быть и флорентийских галерей. Для него эта работа представит интерес как постоянный и верный заработок, а мне будет легче нести хотя и беспрерывный, но сравнительно небольшой расход»[15], — делился В.П. Сукачёв с сыном своими планами.

Жена Бориса Сукачева Мария Высоцкая-Сукачева

Значительную часть мемориального архива Бориса Сукачёва из Тарту составляют письма его первой жены Марии Высоцкой-Сукачёвой.

Мария, или Мэри, как её называли в семье, была внучкой декабриста Александра Поджио и жила во Флоренции. Из переписки Сукачёвых мы узнаём, что знакомство с семейством Высоцких состоялось в пансионе на Viale Margerita, 42 во Флоренции, который содержала мать Марии, Варвара Александровна Высоцкая. Там зародилась юная дружба Бориса и Мэри, которая постепенно переросла в сильное чувство. Мэри часто и помногу писала Борису на протяжении нескольких лет — сначала дружбы, а затем и супружества. В её посланиях раскрывается личность этой незаурядной женщины — хрупкой и одновременно полной внутренней силы и глубоких чувств. Мария была художницей, она училась у известного итальянского мастера, преподававшего в Академии Изящных Искусств Флоренции, Джузеппе Чиаранфи (1838–1902). В письмах к

---

[14]Письмо Н.В. Сукачёвой Б.В. Сукачёву от 10.05.1899. — Архив Музея истории университета Тарту. Без шифра.

15Письмо В.П. Сукачёва Б.В. Сукачёву от 15.07.1901. — Архив Музея истории университета Тарту. Без шифра.

Владимир и Надежда Сукачёвы

Борису Мэри часто делится своими мыслями об искусстве и переживаниями по поводу своего творчества: *«Я провожу свои дни за рисованием и чтеньем. Временами на меня находит тоска, когда все выходит из рук вон плохо, но и она сменяется внезапным приливом сил — в такие моменты становится ясно, что подобного рода взлеты и падения помогают нам не опускать руки в отчаянии. К тому же, живопись — истинная чародейка, манящая, пленяющая, способная открыть перед нами чарующие горизонты, равно как и заставить потерпеть внезапное поражение — однако, оттого мы ею очарованы ничуть не меньше»*[16].

Осенью 1897 года молодые люди объявили родителям о своём желании вступить в брак. В это время Мария писала Борису: *«Ты часто говоришь, да мне и самой так кажется, что у меня будто прибавилось сил и энергии, это потому, что я так счастлива, исполнена радости и надежды. Такое чувство, будто что-то внутри меня поёт, но так тонко и едва различимо, где-то в самой глубине души, так, что никому никогда не услышать, кроме тебя, должно быть. Как же хорошо быть вдвоем, делить все на двоих!»*[17].

А вот реакция отца на известие о грядущей свадьбе старшего сына: *«Итак, может быть, ты скоро сделаешься женихом, а в недалеком будущем и главою отдельной семьи! Мои поздравления, исполненные искренности, мои горячие пожелания словами выразить невозможно. Твое счастье — мое счастье — вот точное и полное выражение моих чувств. Будь же счастлив, дорогой мой, и своим благополучием освещай жизнь мамы и мою. Служи достойным примером твоим братьям и сестре! От нас же ты всегда можешь рассчитывать получить все, что только мы можем тебе дать и, прежде всего, наше полное согласие назвать твою Мэри нашей дочерью, наше благословение и добрые пожелания... Люби и уважай свою жену так, как я люблю и уважаю твою мать, эту лучшую женщину в мире. Дай Бог, чтобы и ты через двадцать пять лет совместной жизни мог так же говорить и думать о твоей жене, как я говорю и думаю о твоей матери»*[18].

Процитированные выше взволнованные и искренние слова Владимира Платоновича ярко и точно характеризуют как его самого, так и характер взаимоотношений между членами его семьи. В этом и заключается основная ценность эпистолярного наследия Сукачёвых, сохранившегося в Тартуском архиве.

---

[16]*Письмо М.В.Высоцкой Б.В. Сукачёву от 14.06.1896 (пер. с фр.). — Архив Музея истории университета Тарту. Без шифра.*

[17]*Письмо М.В.Высоцкой Б.В. Сукачёву от 31.10.1897 (пер. с фр.). — Архив Музея истории университета Тарту. Без шифра.*

[18]*Письмо В.П. Сукачёва Б.В. Сукачёву от 26.01.1893. — Архив Музея истории университета Тарту. Без шифра.*